

# Ленинградские письма

[illegible][illegible]

† On NM 2A 27. 80 in 32 «C. H.»

«Вот смехом: «не  
«поддержал», «да, ну,  
«какая там у тебя  
«думай: все». И  
«ма публики, им же  
«тянет на эти про-  
«гов пойти дальше в  
«но вступают  
«играю драмати-  
«онять напускает на  
«у хихикали зритель-

шки с мышкой нам  
а игра. Самой сво-  
й, проворной, я бы  
самой своей фи-  
зической, он настро-  
но-веселый лад. Но  
гипнотизма этой ве-  
звездочкой, бранит  
гипнотизма, во все  
комедии подстре-  
г я самую неподхо-  
дять смех, Визу-  
Вальюто настолько  
поправные права,  
стается сыграть с

...а все это вовсе  
нездорово, в душе со-  
снится к тому, что  
ст, пытается уве-  
рять: серьезная чув-  
ств их в себе, сплу-  
а — теплота, неж-  
короче, — то по-  
те, которой совер-  
ва. Я не верил ни  
чата в этом опек-  
его жутко, по-  
аллишная теплота,  
ость, фальшивая  
мерил — со все-  
даже о маленькой  
он лилемерил. Он  
не, но у меня бы-  
не, что кто-нибудь  
он об этом знает  
взвиться знает «не-  
мол, как я ми-  
...». Кривец любит

эта любовь идет  
ной теплоты, про-  
мужественность

осладеет, то он насильно захочет поправиться, и поэтому кокетничает с ними. Неприятно видеть это кокетство у человека, которому органически противен «кокет». Он кокетничает с собой, даме тогда, когда говорит с своих самых задушевных делах, когда, кажется, он говорит сам с собой. Он так самодоволен, так упоен собой (что еще более подчеркивается слишком элегантно построенной прической), что, кажется, говорит лишь затем, чтобы поправиться. Липцерме, липцерме. Даже, когда он бу-

размышлениях о Липов, содержал ли молчалив с ней, то и здесь нет правды, — в есть рисовка этой сдержанности, — в этом молчании. Опять полетит! Вот этой же причине его сердечное отпущение к Вудбуку превращается в покровительство, его увещание к Бересту — в покровительство, его помощь раненому наркомку — в претенциозную «согласия услужить», его тепло — в сепитическую, его драматичность — в выспреннюю мелодраму. Выспренность, выспренность, выспренность должна ваггрампировать цитату Кречета в героя.

Преподостельство-фальшивый истоя  
прозекула сиеца, где он упокапва  
ет, одобрат Аркадия. Он стрем  
ительно подходит к нему (в самой  
той стремительности была  
рисовка), протягивает руку с раскрытой  
ладонью и, двумя пальцами потирая «ю,  
дополит рисовка), чуть ли не нарис  
овывает промешет «Ар-ка-дий». Не го  
вори красивая, — хотелось продол  
жить нам, но не по адресу Арка  
дия, а по адресу Кречета.

В исполнении других актеров ничего примечательного не было. Было более или менее добросовестное исполнение своих «служебных обязанностей», чаще менее, чем более добросовестное. Одну действительно добросовестную работу надо отметить. Это Юнгер в роли Лиды. Однако, ка-

и-наблюдать серьезной и привлека-  
тельной режиссерской плем мы здесь  
нашли. Помазуй, это к лучшему.  
Завораживающая Лида могла бы освопро-  
тствовать себя в лапах артиста  
любости такого Кречета — значи-  
тельно себя. Поэтому хорошо  
о ней просто завораживающая Лида  
блестящая девушка». Однако ис-  
ключение Юппер над все же отме-  
чить: «поддерживать натиск вот этого  
высокого Кречета в сохранил все  
его достоинство — тоже что-ни-  
будь да стоит.

[illegible]

Ларису играет молодая актриса Леонова, способная, видимо, но не желающая, если Ларисы все же не появилось. Театр, надо полагать, считал большим делом, что поручил роль статистической роль молодой актрисе. Но, выходя же, так сказать, с руки на сцену, он тут же бросил ее на произвол судьбы. Настоя-

ной работы в Белозеровой мы не видели. В филиале Лариса сидит у рамки англо-клубника, и на глазах ее мы увидели слезы, подлинные слезы. Это вызвало наше удивление и актрисы, с таким поведением относительно к образу, но сама Лариса все же пропустила на нас взгляд болевый. И, наконец, Лариса не могла бы домысливать другим актерам. Однако тот так он сам определял характеры героев: «Каждый из этих персонажей дышит в себе какой-либо душой: Маришковой — лживое самолюбие, Кууров — восток, Наватов — разнузданность». Сестры сложены богато стилизованы, но не имеют «жизни», «мелочности» — Кораллингов-то «жизненные» сами «мелочи» или «мелюзга», но «любовь» значит счастия,

обеднать, упростить, схематизировать образы. И получилось то, что получилось — однообразие, бесцветность, упало повторение «равнозначности», «похоти», «завоевского самодуба».

Порок-то, может быть, и злится, но злится не замечаясь, характерное не выпячив, трагедия не чувствуюсь. А Лариса — тоже однообразная и наводящая демонстрация «доброделов», какой-то выхвачен воле, одно это, монотонное и плоское выражение «воли». Не потому ли невольной ре-

[illegible]

О внешней стороне все здесь об-  
стоит благополучно. Даже эффектно!  
В других театрах, например, — од-

— Какие премьеры в роду, а здесь папа и семья наших охотников! Но папа тоже этих читатель!?» С энтузиазмом в театральном жестикулировании. Взяв, пожалуйста, четкая серия. Правда, когда она говорит о «Медведев», мы вспоминаем «Слезы» — Бесуловский, вспоминаем «Платона Крестов», а еще вспоминаем К. Симонова, «выдумку» на роль постановщика «Бесовщины». К. Симонов явно не одобрял для того, чтобы оправдать у Мейерхольда. Хороший актер, он сам пугается в режиссуре, который бы для простоты его дарования.

У нас появился странный обычай: уть хороший актер, его сейчас же, способ он для этого, для неспособ, — заставляют быть настоящим. «Видящего» входит в закули и в результате: одним хорош актером меньше, одним плохим режиссером больше. Сейчас это сильно распространяющаяся болезнь, которая должна принять меры. Рава, Соляев, Ильяев актер, получил звание заслуженного, а потом по по личным попыткам бес-

«...хорошо, «род बहुत». Что я та-  
ко? Оказывается, он «завоеватель»  
и вот у него на своей ступице, на  
которой он сидит, — «завоеван-  
ный» род одной страны. Правда, он не  
хочет, чтобы непотопленные жилища  
стали оплотом, но как же быть, он  
не «завоеватель», — положение  
не позволяет. Он не «завоеватель»,  
но, как я уже писал, еще не «вышел» — что  
хороший постановщик. Постанов-  
щик — это особая дарованность. Это  
название. Хороший пловец у хоро-  
шего пловца. Хороший актер у хоро-  
шего актера. Хороший певец у хоро-  
шего певца. Обладать этим, по-  
настоящему, который сильнее да рядом  
с ним у именитых актеров отсут-  
ствует. Конечно, бываю исключения.  
Но, как правило, это так. И не  
удивляйтесь, но это дело, не что  
иное. Исключения редки. Исключения  
Господа пригласите да погос-  
поды выдвигайте наших ремес-  
ленников, музыкантов, артистов,  
актеров, певцов, поэтов,  
художников, Мудрых  
театров.

Наконец, эта страшная история о  
значении актеров «не по назва-  
нию», как Вальдез в «Платоне  
счетах» или Вольф-Израиль в «Же-  
нщинах Фатро». Повторяю, это пре-  
всная актриса, но не в Освеще-  
нии бы нас спросили, мы бы не на-  
шли ни другой актрисы Госдумы,  
державшей. Не потому, что она «луч-  
ше» Вольф-Израиль, а потому что

[illegible][illegible]

то и «Женитба Фигаро» были вы-  
даны «всем сослам» Бомарше, в «Ду-  
шам» — вся повесть Чопова, в «Ре-  
спиритантине» — вся реалистическая  
сила Островского, в «Пантоне Кре-  
мече» — вообще всякий смысл, —  
исполнен убеждением сказать: до чего  
некультурно, бездушно-бюрократиче-  
ски, какой самодовольный дух побед-  
ственности дышит в этом театре!